

На правах рукописи

ПИРОГОВСКАЯ Мария Михайловна

**Ольфакторный код и воспитание чувствительности
в русской городской культуре 1860—1910-х годов**

Специальность 07.00.07. — Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2016

Работа выполнена в Отделе этнографии восточных славян и народов Европейской части России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Научный руководитель: доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук **Байбурин Альберт Кашфуллович**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук **Соколовский Сергей Валерьевич**

кандидат исторических наук, доцент Школы культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории Российской академии наук **Афанасьева Анна Эдгардовна**

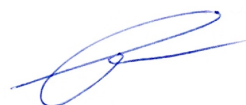
Ведущая организация: Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Защита состоится «18» апреля 2016 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан «18» марта 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М. Е. Резван

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В работе рассматриваются процессы социального и символического конструирования ольфакторного кода и связанные с ними изменения режимов восприятия в русской городской культуре второй половины XIX — начала XX века. Общей исследовательской рамкой является сочетание антропологических и исторических субдисциплин: антропологии чувств (*anthropology of senses*), медицинской антропологии и социальной истории медицины, истории идей и истории повседневности (*Alltagsgeschichte*).

Актуальность и научная значимость темы исследования. Во второй половине XIX века связанные с запахами представления и нормы, актуальные для различных слоев русского городского населения, подверглись существенным изменениям. Эти изменения были вписаны в более широкий процесс модернизации, охвативший европейские общества. Не стала исключением и Российская империя, хотя модернизация и приняла в ней весьма специфичные формы. Этому сложному и комплексному процессу разные поколения историков давали разные названия, подчеркивающие тот или иной его аспект в зависимости от исследовательского фокуса: «процесс цивилизации» (Н. Элиас), медикализация, усиление контроля, рост дисциплины и самодисциплины (М. Фуко), рождение среднего класса или буржуазии (Ф. Гизо, Ж. Старобински). Отправной точкой для настоящего исследования послужили работы французского историка А. Корбена, увидевшего одну из характерных черт модернизации в понижении терпимости к запахам и общем изменении чувственной конфигурации¹. Благодаря исследованиям Корбена была очерчена новая область антропологического интереса — культурная антропология чувств, которая описывает чувственное восприятие как исторически изменчивый и специфичный для той или иной культуры способ постижения мира и изучает стратегии и практики наделения чувств социальным смыслом. Антропология чувств исходит из предпосылки, что любое общество, будучи «основано на консенсусе (т. е., буквально, на “со-чувствовании”)), организовано как чувственное явление — постольку, поскольку чувствовалище — явление социальное². В этой перспективе чувства

¹ Corbin A. Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne, 1982; *idem*. Les Cloches de la terre; Paysage sonore et culture sensible dans les campagnes au XIXe siècle. Paris: Flammarion, 1994.

² Процитированная формулировка содержится в редакционном анонсе журнала *The Senses and Society* (www.nyu.edu/classes/bkg/web/SensesSociety.pdf). Сходные положения приведены в: Howes D. Charting the Sensorial Revolution // *The Senses and Society*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 113–128. См. также самоописание монреальской исследовательской группы *CONCERT (Concordia Sensoria Research Team)*, которая занимается антропологическим анализом чувств и ощущений: <http://www.centreforsensorystudies.org>.

рассматриваются «как средства коммуникации и посредники нашего опыта и наших знаний о мире»³.

Тем не менее, несмотря на нынешнее активное обсуждение «чувственной» проблематики западными историками, социологами и антропологами, эта область еще практически не освоена российской антропологической наукой. Вышедший в 2003 году двухтомный сборник «Ароматы и запахи в культуре» содержал всего одиннадцать статей, написанных на русском материале (при этом шесть из них представляли собой разной давности републикации)⁴. Работы о социальной роли других чувств в русской культуре также немногочисленны.

Актуальность избранной темы обусловлена тем, что сама постановка вопроса в терминах антропологии чувств помогает увидеть ряд важных социальных проблем с неожиданной стороны и обнаружить новые измерения и смыслы в явлениях и событиях, уже хорошо описанных историками и антропологами. Исследование социального смысла чувств и конфигурации чувств в целом — это один из ключей к пониманию того, как соотносятся социальные группы, репрезентации, процессы формирования субъективности и индивидуальности⁵. В частности, анализ представлений о запахах и конфигурации чувствительности в сложном городском обществе второй половины XIX века позволяет увидеть взаимоотношения различных социальных групп на микроуровне. Кроме того, исследуя роль запахов в социальном воображении 1860—1910-х годов, автор надеется внести некоторый вклад в обсуждение вопроса о специфике становления буржуазного общества в Российской империи.

Степень научной разработанности проблемы. Современная антропология чувств (*anthropology of senses, anthropologie sensorielle*) обязана своим формированием сразу нескольким областям социального и гуманитарного знания⁶. Она была бы немыслима без того смещения исследовательского интереса с исторического события на социальные отношения и культурные представления, которое произошло на рубеже XIX и XX веков, без антропологического интереса к восприятию «другого» и без сомнения в неизменности и стабильности данных человеку природой сенсорных систем. Хотя антропологическое изучение чувств в их социокультурном значении — достаточно молодая область, возникшая в 1970—1980-х годах,

³ *Goody J. The Anthropology of the Senses and Sensations // La Ricerca Folklorica. 2002. No. 45: Antropologia delle sensazioni. P. 17.*

⁴ Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. / Сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

⁵ *Smith M. M. Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History. Berkeley: University of California Press, 2007. P. 5.*

⁶ В частности, в развитие антропологии чувств внесло искусствоведение с его традицией исследований, посвященных разглядыванию и созерцанию (см., например: *Baxandall M. Painting and Experience in Fifteenth-Century Italy: A Primer in the Social History of Pictorial Style. Oxford: Clarendon Press, 1972.*)

уже в первые десятилетия XX века полевые антропологи (У. Риверс, Э. Сэпир) интересовались проблемой чувственного восприятия. В свою очередь, в 1940—1950-е годы на необходимость исследования этой проблематики указывали историки французской школы «Анналов» (Л. Февр, Р. Мандру) и англоязычные теоретики коммуникации (М. Маклюэн, У. Онг, Э. Хэвлок), связывавшие наличие или отсутствие письменности в той или иной культуре с приоритетом зрения или слуха. На самом разнообразном материале исследователи описывали место чувств в картинах мира (*world view*), их символику, классификационные возможности и иерархию⁷. Эти исследования продемонстрировали, что в разных обществах чувства могут концептуализироваться по-разному. Разным оказывается место того или иного чувства в культурном универсуме, значение, придаваемое каждому из выделяемых чувств, оценка чувственных данных с точки зрения надежности/ненадежности⁸. Описание чувств «других» позволило усомниться и в абсолютности западноевропейской конфигурации чувств, показать ее относительность и задаться вопросом об ее исторической динамике.

Первой фундаментальной работой, в которой проблематика антропологии чувств рассматривалась не на «экзотическом» материале, а на «близком» европейском, стала книга французского историка А. Корбена «Миазм и нарцисс: обоняние и социальное воображение в XVIII-XIX веках» (1982)⁹. Неслучайно, представляя эту книгу англоязычному читателю, британский историк медицины Р. Портер впервые воспользовался термином «культурная антропология чувств»¹⁰. Исследуя социальные репутации обоняния и запахов во Франции

⁷ См., например: *Almagor U.* The Cycle and Stagnation of Smells: Pastoralists-Fishermen Relationships in an East African Society // *Res: Anthropology and Aesthetics*. 1987. Vol. 13. P. 106–121; *Classen C.* Sweet Colors, Fragrant Songs: Sensory Models of the Andes and the Amazon // *American Ethnologist*. 1990. Vol. 17. No. 4. P. 722–735; *Classen C.* Worlds of Sense: Exploring the Senses in History and Across Cultures. London, NY: Routledge, 1993; *Dupire M.* Des goûts et des odeurs: classifications et universaux // *L'Homme*. 1987. Vol. 27. No. 104. P. 5–25; *Gell A.* Magic, Perfume, Dream // Symbols and Sentiments: Cross-Cultural Studies in Symbolism / Ed. by I. Lewis. London, NY, San Francisco: New York Press, 1977. P. 25–38; *Gossen G.* Chamulas in the World of the Sun. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974; *Feld S.* Sound as a Symbolic System: The Kaluli Drum // The Varieties of Sensory Experience: A Sourcebook in the Anthropology of the Senses / Ed. by D. Howes. Toronto: University of Toronto Press, 1991. P. 79–99; *Reichel-Dolmatoff G.* Desana Animal Categories, Food Restrictions and the Concept of Color Energies // *Journal of Latin American Lore*. 1978. Vol. 4. No. 2. P. 243–291; *Roubin L. A.* Le monde des odeurs: Dynamique et fonctions du champ odorant. Paris: Méridiens-Klincksieck, 1989; *Seeger A.* Nature and Society in Central Brazil: The Suyá Indians of Mato Grosso. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981; *Stoller P.* The Taste of Ethnographic Things: The Senses in Anthropology. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. С. 63–68. Из новейших исследований можно назвать книгу о парфюмерной традиции Йемена и ее роли в выстраивании культурной идентичности (*Jung D.* *Ethnography of Fragrance: The Perfumery Arts of Adan/Lahj*. Leiden, Boston: Brill, 2011).

⁸ *Goody J.* The Anthropology of the Senses and Sensations. P. 18.

⁹ *Corbin A.* Le miasme et la jonquille: L'odorat et l'imaginaire social aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris: Aubier Montaigne, 1982; английский перевод: *Corbin A.* The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988. По-русски отдельные главы были опубликованы в двухтомном сборнике «Ароматы и запахи в культуре» (М.: Новое литературное обозрение, 2003).

¹⁰ *Porter R.* Foreword // *Corbin A.* The Foul and the Fragrant. P. VII.

XIX века, Корбен выдвинул гипотезу о связи представлений о запахах с естественнонаучными и медицинскими концепциями и тем самым поместил вопрос о социальном смысле чувств в диахроническую перспективу. Эта работа положила начало целой серии историко-антропологических исследований, рассматривающих проблематику классической социальной антропологии на разнообразном европейском материале — от народной культуры до современных городских сообществ¹¹.

В русской культуре изучением социальной и символической роли чувств и, в частности, обоняния и запахов занимались прежде всего этнографы и фольклористы. Их внимание было сосредоточено в первую очередь на данных традиционной культуры, а основным аналитическим инструментом служил семиотический анализ. В качестве примера можно назвать статьи Г. И. Кабаковой о семантике запахов¹². Исследовалась и символическая роль запахов в оформлении различных народных представлений и стереотипов. Так, компаративное исследование славянских традиций, проведенное О. В. Беловой, продемонстрировало, что запахи могут выступать маркерами «дикости», «инакости», «потусторонности», «святости» или «греховности»¹³. Кроме того, способность различных запахов выступать мотивирующим признаком при номинации растений и веществ анализировалась в ряде работ по русской и восточнославянской этноботанике и этномедицине¹⁴.

Одной из первых в России собственно антропологических работ, посвященных роли запахов в российском обществе, стала статья Д. Б. Захарьина об ольфакторной коммуника-

¹¹ *Gay P.* The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. 5 vols. Vol. 1. Education of Senses. New York, London: Norton, 1984—1998; *Medicine and the Five Senses* / Ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Classen C., Howes D., Synnott A.* Aroma: The Cultural History of Smell. NY, London: Routledge, 1994; *Jenner M. S. R.* Civilization and Deodorization? Smell in Early Modern English Culture // *Civil Histories: Essays Presented to Sir Keith Thomas*. Ed. by P. Burke, B. Harrison, P. Slack. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 138–143; *The City and the Senses: Urban Culture since 1500* / Ed. by A. Cowan, J. Steward. Aldershot: Ashgate, 2007; *Smith M. M.* Sensing the Past: Seeing, Hearing, Smelling, Tasting, and Touching in History. Berkeley: University of California Press, 2007; *Les cinq sens de la ville: Du Moyen Âge à nos jours* / Sous la dir. de R. Beck, U. Krampfl, E. Retaillaud-Bajac. Tours: Presses universitaires François-Rabelais, 2013; *Reinartz J.* Past Scents: Historical Perspectives on Smell. Chicago: University of Illinois Press, 2014.

¹² *Кабакова Г. И.* Запахи в традиционной русской культуре // *Живая старина*. 1997. №1. С. 36–38; *она же.* Запах // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. В 5 т. М.: Международные отношения, 1995—2012. Т. 2. М., 1999. С. 266–269; *она же.* Запах смерти // *Славяноведение*. 2000. №6. С. 21–25.

¹³ *Белова О. В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование). Дис. ... д. филол. н. М., 2006. С. 53–68.

¹⁴ *Сердюк А. М.* Запах как мотивационный признак названий растений в первичном и вторичном семиозисе // *Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы*. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 239–240; *Брысина Е. В.* Карта ЛСЛ 130. Общее название душистой травы / Пробные карты лексического атласа русских народных говоров // *Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования* — 2009. СПб.: Наука, 2009. С. 436–444; *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники: Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. С. 47–49.

ции, телесном запахе и границах социального дискурса в русской культуре XVII—XIX века¹⁵; эта статья вошла в немецкоязычную монографию того же автора о коммуникативном взаимодействии¹⁶. Захарьин прослеживает динамику изменений частных ольфакторных стандартов в русской культуре XVII — начала XX века, подчеркивая важный вклад культурного импорта в формирование социальных смыслов, приписывавшихся запахам. Вместе с европейской придворной культурой русская аристократия заимствовала и связанные с запахами манеры и правила, которые постепенно утрачивали иерархический и узко-сословный характер. Захарьин предполагает, что усвоение просветительской и сентиментальной философии привело и к осмыслению запахов как символов психического состояния: в русской литературе XIX века эмоции и аффекты последовательно увязывались с описаниями растительных или природных ароматов, тогда как «низкие» запахи еды, тела, животных были несовместимы с высокими переживаниями и получали доступ лишь в тексты сатирического модуса¹⁷. С последним утверждением Захарьина нельзя согласиться: в реалистической традиции эти же запахи сигнализировали об ориентации на естественнонаучную, медицинскую точность описания (влиянию медицинского дискурса XVIII—XIX века на русскую литературу посвящены некоторые работы К. А. Богданова, принадлежащие направлению *literature and medicine*¹⁸).

Более активно изучалась символика запахов в русской литературе¹⁹. Здесь же стоит упомянуть статью Е. А. Жирицкой об ольфакторной репрессии русских элит после револю-

¹⁵ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Россия / Russia. 1999. №3 (11). С. 57–70; см. также републикацию в: Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. / Сост. О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 280–308.

¹⁶ Zakharine D. Von Angesicht zu Angesicht. Der Wandel direkter Kommunikation in der ost— und westeuropäischen Neuzeit. Konstanz: UVK Verlag, 2005.

¹⁷ Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории. С. 65–66.

¹⁸ Богданов К. А. «Тлетворный дух» в русской литературе XIX века: (анти)эстетика как мораль // Ароматы и запахи в культуре: В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 101–133; Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII—XIX веков. М.: ОГИ, 2005; Богданов К. А. Преждевременные похороны: филантропы, беллетристы, визионеры // Русская литература и медицина: Тело, предписания, социальная практика / Под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М.: Новое издательство, 2006. С. 55–80.

¹⁹ Rindisbacher H. J. The Smell of Books: The Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992; Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 356–364; Фарино Е. Запахи // Фарино Е. Введение в литературоведение. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 333–342; Козубовская Г. П. Середина века: Миф и мифопоэтика. Барнаул: БГПУ, 2008; Рогачева Н. А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2010; она же. Русская лирика рубежа XIX–XX веков: поэтика запаха. Автореф. дис. ... д. филол. наук. Екатеринбург, 2011; Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. СПб.: Алетейя, 2011; она же. «Русский дух»: репрезентация повседневности в ольфакторных текстах русской культуры. СПб.: Алетейя, 2013; она же. Повседневный Пушкин. Поэтика обыкновенного в жизнетворчестве русского гения. Костюм. Застолье. Ароматы и запахи. СПб.: Алетейя, 2013.

ции: в ней анализируются многочисленные литературные и мемуарные свидетельства того ольфакторного шока, которым для аристократии и интеллигенции обернулся переворот 1917 года²⁰. Наконец, петербургским историком В. В. Лапиным была предпринята попытка диахронической реконструкции звуковой и ольфакторной карты Петербурга XIX века и ее рецепции горожанами (преимущественно из образованного и европеизированного слоя)²¹. В этом случае невнимание к социальному бэкграунду «информантов» — мемуаристов, писателей, журналистов, на свидетельства которых опирается автор, — приводит к необоснованно универсальной картине, тогда как едва ли Петербург звучал и пахнул одинаково для художника-мирискусника А. Н. Бенуа, придворной аристократии или люмпенизированных обитателей трущоб и ночлежных домов.

В свою очередь, изучение чувственных конфигураций и, в частности, представлений о запахах связывает антропологию чувств с такими дисциплинами, как медицинская антропология, социальная история медицины и история идей. О влиянии медицинских и естественнонаучных концепций на повседневные практики европейцев Нового времени (в том числе — на навыки восприятия) писали Р. Л. Шонвальд, П. Гэй, Д. М. Лоу, Й. Фрикман и О. Лефгрен, Ж. Вигарелло, М. Дж. Добсон²². Общественной рецепцией тех или иных медицинских теорий и здравоохранительной политикой европейских государств занимались такие историки медицины, как Э. Акеркнехт, А. Бриггс, Ж. Кангилем, Р. Портер, Г. Сигерист, Р. Дж. Эванс²³. В этом же ряду стоит упомянуть и работы М. Фуко, вслед за своим учителем

²⁰ *Жирицкая Е.* Легкое дыхание: Запах как культурная репрессия в российском обществе 1917—1930-х гг. // *Ароматы и запахи в культуре.* Т. 2. С. 167–270.

²¹ *Лапин В. В.* Петербург: запахи и звуки. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.

²² *Schoenwald R. L.* Training Urban Man: A Hypothesis About the Sanitary Movement // *The Victorian City: Images and Realities* / Ed. by H. J. Dyos, M. Wolff. 2 vols. London, Boston: Routledge and Kegan Paul, 1973. Vol. 2. P. 669–692; *Gay P.* The Bourgeois Experience: Victoria to Freud. 5 vols. Vol. 1. Education of Senses. New York, London: Norton, 1984—1998; *Lowe D. M.* History of Bourgeois Perception. Chicago: Chicago University Press, 1982; *Frykman J., Löfgren O.* Culture Builders: A Historical Anthropology of Middle-Class Life. New Brunswick: Rutgers University Press, 1987; *Vigarello G.* Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France since the Middle Ages. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1988; *Dobson M. J.* Contours of Death and Disease in Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

²³ *Sigerist H. E.* Civilization and Disease. Ithaca: Cornell University Press, 1944; *Ackerknecht E. H.* Anticontagionism Between 1821 and 1867 // *Bulletin of the History of Medicine.* 1948. No. 22. P. 562–593; *Briggs A.* Cholera and Society in the Nineteenth Century // *Past and Present.* 1961. No. 19. P. 76–96; *Canguilhem G.* Essai sur quelques problèmes concernant le normal et le pathologique. Paris: Les Belles Lettres, 1950; *Medicine and the Five Senses.* Ed. by W. F. Bynum, R. Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Evans R. J.* Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Ж. Кангилемом обратившего внимание на публичный дискурс о норме и патологии и описавшего европейскую модернизацию с помощью понятия «медикализация»²⁴.

Соответствующий российский материал, изучение которого могло бы пролить свет на специфику «медикализации» в Российской империи, на особенности устройства и функционирования чувственной конфигурации в пореформенный период расцвета естествознания, на взаимоотношения медицины и общества, медицины и государства, освоен исследователями гораздо хуже. В дореволюционных и советских работах социальные аспекты медицины и гигиены, как правило, вообще не рассматривались. Под медициной понимались почти исключительно клиническая и университетская науки и одобренные ими методы, а под историей медицины — история великих врачей и крупных теорий, так или иначе предвосхитивших современные положения²⁵. Медицинские концепции и практики, которые не вписывались в историю биомедицины и доказательной медицины, считались недостойными внимания заблуждениями и предрассудками; теория миазмов, без изучения которой разговор о социальном смысле запахов вести затруднительно, почти не интересовала специалистов. Даже земская медицина, которая могла бы изучаться в рамках социальной истории, не исследовалась в социокультурной перспективе или исследовалась очень мало²⁶. Это неудивительно — советская историография тяготела в первую очередь к «истории события», а повседневность, сведенная к «материальной культуре», оставалась уделом преимущественно искусствоведов и историков ко-

²⁴ Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997; Фуко М. Рождение клиники: Археология врачебного взгляда. М.: Смысл, 1998; Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 1999. См. также: *La médicalisation de la société française 1770—1830 / Sous la dir. de J.-P. Goubert*. Waterloo, Ontario: Historical Reflections Press, 1982.

²⁵ Громбах С. М. Русская медицинская литература XVIII века. М.: Издательство АМН СССР, 1953; Вайндрах Г. М. Подвиги русских врачей. Из истории борьбы с различными болезнями. М.: Издательство АН СССР, 1959.

²⁶ Институциональная и санитарно-гигиеническая проблематика земской медицины обсуждается в следующих советских и российских работах: Лотова Е. И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1962; Карпов Л. Н. Земская санитарная организация в России. Л.: Медицина, 1964; Страшун И. Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями (1907—1917 гг.). М.: Медицина, 1964. Не утратило своего значения и одно из первых описаний земской системы здравоохранения (Осинов Е. А., Куркин П. И., Попов И. В. Русская земская медицина: Обзор развития земской медицины в России вообще и отдельно в Московской губернии с кратким статистическим очерком страны и ее санитарного состояния. М.: Правление Общества русских врачей, Печатня С. П. Яковлева, 1899). О деятельности земских врачей в отдельных регионах см., например: Кузьмин В. Ю. Становление и развитие земской медицины во второй половине XIX — начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Самара, 1997; Старенченко Ю. Л. Деятельность земских учреждений Санкт-Петербургской губернии по созданию начал общественной медицины (1857—1880 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. н. СПб., 1997; Истомина С. Ю. Земское здравоохранение в Тамбовской губернии (1864—1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тамбов, 2003; Назаров В. В. Деятельность земских учреждений в области здравоохранения в 60-е годы XIX — начале XX веков (по материалам Саратовской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Саратов, 2003; Поляков П. В. Медицинская интеллигенция Тульской губернии (1864—1900 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Тула, 2005; Корсун В. П. Развитие земской медицины и ветеринарии в конце XIX — начале XX вв. (на материалах Владимирской и Костромской губерний). Автореф. дис. ... канд. ист. н. Иваново, 2007; Никитина А. В. Становление и развитие земской медицины в Уфимской губернии в последней четверти XIX — начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Уфа, 2009.

стюма²⁷. Некоторые сдвиги в этой области наметились лишь в последние десятилетия, хотя основным предметом изучения остается крестьянская, или народная медицина. Однако следует отметить, что и в западноевропейской и американской науке поворот к социальной истории медицины — истории медицины с точки зрения пациента — тоже произошел лишь в конце 1970-х годов²⁸.

На этом фоне выделяются работы западных историков, посвященные социальной истории медицины в Российской империи XIX века и в той или иной мере учитывающие общественную рецепцию тех или иных медицинских теорий. В частности, П. Болдуин исследовал связь теорий патогенеза с общественными реакциями и поведенческими паттернами во время холерных эпидемий²⁹. Противоположный, индуктивный вектор используется в недавней монографии Ш. Хенце: на примере санитарной истории Поволжья исследовательница рассматривает такие вопросы, как влияние эпидемий на общественную модернизацию, распределение власти и ответственности, роль медицинской экспертизы в России XIX века, конфликт и смешение миазматической, контагиозной и бактериологической теорий, реакцию провинциального общества на кризисные ситуации и др.³⁰. О реакции российского общества на бактериологический поворот в естественных науках 1880—1900-х годов писал также британский историк Дж. Хатчинсон³¹. Важнейшие исследования об общественной функции врача в Российской империи принадлежат Н. М. Фриден³² и А. Реннеру³³. Из недавних российских публикаций следует назвать исследования А. Э. Афанасьевой о медицинском контроле на окра-

²⁷ См., например: *Курсанова Р. М.* Аромат родного дома и запах счастья // *Ароматы и запахи в культуре*: В 2 Т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 270–279.

²⁸ *Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И.* История медицины: актуальные тенденции и перспективы. С. 8–9, 18–19; *Портер Р.* Взгляд пациента. История медицины «снизу» // *Болезнь и здоровье: Новые подходы к истории медицины*. С. 41–72; *Афанасьева А. Э.* История медицины как междисциплинарное исследовательское поле // *Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы*. Сб. ст. / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 421–423.

²⁹ *Baldwin P.* Contagion and the State in Europe, 1830–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

³⁰ *Henze Ch. E.* Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia.

³¹ *Hutchinson J. F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*. 1985. Vol. 40. No. 4. P. 420–439.

³² *Frieden N. M.* The Russian Cholera Epidemic, 1892—1893, and Medical Professionalization // *Journal of Social History*. 1977. Vol. 10. No. 4. P. 538–559; *eadem.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856—1905. Princeton: Princeton University Press, 1981; *eadem.* The Politics of Zemstvo Medicine // *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-Government*. Ed. by T. Emmons, W. S. Vucinich. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1982. P. 315–342.

³³ *Renner A.* Progress through Power? Medical Practitioners in Eighteenth-century Russia as an Imperial Elite // *Acta Slavica Japonica*. 2009. Vol. 27. P. 29–54.

инах Российской империи³⁴ и Е. А. Вишленковой с соавторами — о факторах, способствовавших профессионализации медицины в первой половине XIX века³⁵. Во всех этих исследованиях так или иначе поднимался вопрос о статусе медицинского знания и о восприятии и применении медицинских теорий врачами и пациентами в различных слоях общества. Тем не менее общественная рецепция миазматической теории патогенеза, ее связь с санитарно-гигиенической пропагандой и изменением ольфакторного кода в этих работах не затрагивалась.

Задачи данного исследования — проследить, как вырабатывались и изменялись представления о запахах в период между великими реформами Александра II и Первой мировой войной, и описать роль запахов в социальном воображении. Это позволяет выявить социальный и идеологический аспект ольфакторного кода — определенного символического языка запахов, его взаимосвязи с культурной спецификой изучаемого периода, стоящую за ним систему ценностей и общую культурную значимость обоняния во второй половине XIX — начале XX века. Рассматривая представления о запахах на значительном временном отрезке, с 1860-х годов до начала XX века, автор описывает специфические стратегии включения чувственного опыта в социальные процессы и выясняет, каким образом запахи могут включаться в различные социальные ритуалы и использоваться для выстраивания социальных иерархий.

Основной **целью** диссертационного исследования является описание ольфакторного кода русской городской культуры второй половины XIX века и анализ факторов, так или иначе повлиявших на его формирование. Другими словами, автор пытается понять, каким социальным смыслом обладали различные запахи для горожанина второй половины XIX века, как они категоризировались и каким образом менялось их значение. Для достижения этой цели ставятся следующие **основные задачи**:

1) описать конфигурацию чувствительности, характерную для рассматриваемого периода, и указать место, занимаемое обонянием;

³⁴ *Афанасьева А. Э.* «Освободить... от шайтанов и шарлатанов»: дискурсы и практики российской медицины в Казахской степи в XIX веке // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 113–150; *Afanasyeva A.* Quarantines and Copper Amulets: the Struggle against Cholera in the Kazakh Steppe in the Nineteenth Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2013. Vol. 61. No. 4. P. 489–512.

³⁵ *Вишленкова Е. А., Гатина З. С.* «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 154–169; *Вишленкова Е. А.* Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830—1840-х годов // *Диалог со временем*. 2015. № 50. С. 170–200; *Вишленкова Е. А., Ильина К. А.* Об ученых степенях, и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // *Новое литературное обозрение*. 2013. Т. 122. № 4. С. 84–107; *Вишленкова Е. А.* Рождение профессии: социальная история российской медицины XIX века. Доклад, прочитанный на совместном семинаре ИГИТИ имени А. В. Полетаева и Школы исторических наук НИУ ВШЭ, 2 сентября 2015 года. Режим доступа: <http://igiti.hse.ru/news/157558280.html>. См. также: *Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования* / Под ред. Л. А. Булгаковой. СПб.: Нестор-История, 2011.

- 2) выявить предпосылки для сдвига в социальной репутации обоняния;
- 3) рассмотреть социальные импликации запахов.

Объектом данного исследования является русская городская культура; данные по усадебной и традиционной крестьянской культуре привлекаются лишь при необходимости (хотя едва ли стоит абсолютизировать дистанцию между ними, коль скоро речь идет о системе представлений, конструируемой медицинской наукой и по-разному, с разной скоростью усваивавшейся различными социальными группами). **Предметом исследования** является ольфакторный код как социальный и символический конструкт, т. е. нормы, предписания и представления, касающиеся запахов, и их изменения в рамках общей перестройки чувствительности, происходившей под влиянием естественных наук и общественной гигиены во второй половине XIX века. Исследование сосредоточено на социальных процессах второй половины XIX века, так или иначе влиявших на восприятие запахов, но **хронологические рамки** работы по необходимости расширены и захватывают более ранние периоды. Без экскурсов в XVIII век, эпоху активного культурного импорта и усвоения европеизированного научного знания, изучение особенностей медикализации и сциентизации 1860-1910-х гг. было бы невозможно.

Основная гипотеза исследования. Автор исходит из предположения, что вектор осмысления запахов в российском обществе XIX века задавала миазматическая теория патогенеза. Она лежала в основе санитарно-гигиенических стандартов, распространявшихся массовой печатью в 1860—1890-е годы. Соответственно, основным источником сведений по рецепции запахов оказываются возникшие на основе миазматической теории дискурсы и практики, документированные в официальных инструкциях и предписаниях, отчетах врачей-гигиенистов и ученых-химиков, описаниях санитарно-гигиенических выставок и рекламных брошюрах, санитарных жалобах обывателей и популярных руководствах по гигиене, красоте, домоводству. Реконструкция ольфакторных норм возможна в результате анализа как прямого санитарно-гигиенического дискурса, так и различных источников косвенного характера, сообщающих о точках ольфакторного «конфликта» при коммуникации людей разного пола, возраста и социального положения³⁶.

³⁶ В статье об ольфакторной коммуникации Д. Б. Захарьин отмечает слабую дифференциацию обоняния в культурном семиозисе и пишет о связанной с этим большей категоричности суждений, основанных на обонятельном восприятии предмета; «в результате запах скорее, чем глаз, способен выступать в контексте конфликтных ситуаций как индикатор сбоев коммуникации, в которой участвуют люди разных возрастов, полов и культур» (Захарьин Д. Ольфакторная коммуникация в контексте русской истории // Ароматы и запахи в культуре: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2003. Т. 2. С. 283).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые на российском материале предлагается целостное описание ольфакторного кода (языка запахов как некоторой системы значений), который функционировал в российском обществе 1860-х—1910-х годов, и анализ факторов, так или иначе повлиявших на формирование и особенности функционирования этого языка. В работе устанавливаются взаимосвязи между конфигурацией чувств и общественной рецепцией естественнонаучного и санитарно-гигиенического дискурсов, а также дается новая интерпретация ольфакторных мотивов в классической литературе и мемуарах, основанная на анализе представлений о запахах и того аутентичного контекста, в котором они существовали в соответствующий исторический период.

Теоретико-методологическая база исследования. Методология исследования отражает его междисциплинарный характер и базируется на принципе историзма, который позволяет рассмотреть социальное функционирование обоняния в конкретных исторических обстоятельствах. Избранная проблематика и антропологический подход подразумевают специфическое отношение к историческому **документу**: документ оказывается не только и не столько источником сведений о прошлом, сколько частью этого прошлого. Он не транслирует некую объективную информацию, а является субъективно окрашенной и идеологически ангажированной частью прошлого, т. е. представляет собой исторический артефакт. Такой подход определяет и исследовательский метод, и специфику материалов, которыми пользуется автор. **Основной метод исследования** — сравнительно-антропологический, который нацелен не на установление фактов, а на выявление представлений, стереотипов и норм, которые стоят за всем кажущимся многообразием данных и которые определяли поведение людей как во время болезней и эпидемий, так и в повседневной жизни. **Методологической и теоретической базой исследования** являются работы, посвященные медицинской антропологии, социальной истории медицины, антропологии чувств и социологии науки. Это статьи и монографии Э. Акеркнехта, Д. С. Барнса, А. Бриггса, Ж. Кангилема, К. Классен, А. Корбена, Б. Латура, М. Фуко, Р. Дж. Эванса. При написании работы учтены исторические и антропологические изыскания Дж. Т. Александера, А. Э. Афанасьевой, Е. А. Вишленковой, К. А. Богданова, П. Болдуина, С. М. Громбаха, Д. Б. Захарьина, Л. Н. Карпова, О. Ю. Малиновой-Тзиафета, А. Реннера, Х. Риндисбахера, Н. М. Фриден, Ш. Хенце, посвященные российской медицине и гигиене.

Основным **материалом** послужили специализированные и популярные издания по медицине (лечебники, сборники советов, санитарные отчеты, журналы и газеты), рекомендательная литература по домоводству, уходу за собой, хорошему тону, справочные издания и

общественно-политическая пресса. В ряде случаев привлекалась художественная и мемуарная литература (преимущественно середины XIX — начала XX века). Наряду с печатными источниками были использованы рукописные материалы из фондов Российской национальной библиотеки и Российского государственного исторического архива.

Положения, выносимые на защиту:

1) Во второй половине XIX века в русской городской культуре происходило изменение конфигурации чувств, т. е. социальные смыслы, приписываемые чувствам, активно менялись; в первую очередь это изменение коснулось обоняния.

2) Социальная значимость обоняния была связана с диагностической ролью, приписывавшейся запахам в естественных науках и медицине; благодаря процессу медиализации и санитарно-гигиеническому дискурсу к повседневным запахам, с которыми городские жители сталкивались постоянно, оказалось привлечено общественное внимание, а сами запахи начали описываться более детализированно.

3) Основная инициатива в переопределении статуса запахов принадлежала врачам-гигиенистам и общественным деятелям, заинтересованным в европеизации российского жизненного уклада и пытавшимся создать новую публичную сферу, независимую от государства; наличие или отсутствие запахов в публичной и приватной сферах, их интенсивность и качество стали предметом сначала профессионального, а затем и общественного беспокойства.

4) Благодаря росту общественного внимания к запахам социальные отношения обрели эксплицитное ольфакторное измерение; ольфакторные впечатления стали возможным основанием для социальных вердиктов и административных решений.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы данного диссертационного исследования могут использоваться в лекционных курсах и методических пособиях, посвященных социальной антропологии, медицинской антропологии и, в особенности, антропологии чувств, при написании исторического (реального) комментария к произведениям русской литературы XIX — начала XX века. Собранные материалы могут представлять интерес не только для специалистов, но и для широкого читателя, интересующегося особенностями российского «процесса модернизации».

Апробация результатов. Рабочие гипотезы и промежуточные результаты исследования были представлены в докладах на следующих конференциях и семинарах: «Les cinq sens de la ville du Moyen Âge à nos jours» (Тур, Университет Франсуа Рабле, май 2011); «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» (Санкт-Петербург, Европейский университет в

Санкт-Петербурге, март 2014); «Cities in Europe, Cities in the World. 12th International Conference on Urban History» (Лиссабон, Европейская ассоциация городской истории, Университет Нова, сентябрь 2014); «Человек в меняющемся мире» (Лаборатория социально-антропологических исследований ТГУ, Томск, октябрь 2014 года); «14th International Congress for Eighteenth-Century Studies» (Университет Эразма, Роттердам, июль 2015); исследовательский семинар факультета антропологии ЕУСПб (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, ноябрь 2011; март 2012; ноябрь 2012; апрель 2013).

Публикации. По теме диссертации опубликовано 7 работ, в том числе 3 в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

Структура диссертации. Диссертация имеет объем в 296 страниц печатного текста и состоит из Введения, трех глав, Заключения, Приложения, списка источников (457 наименований, в том числе 23 рукописных источника), списка использованных газет и списка использованной научной литературы (288 наименований, в том числе 150 на иностранных языках).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, обосновываются ее актуальность, новизна и практическая значимость, ставятся цели и задачи, определяются предмет и объект исследования, описываются методология, методы и апробация результатов, дается характеристика источниковой базы, формулируются основные положения исследования. В §0.1 Введения «**Проблематика и методология антропологии чувств**» дается очерк антропологии чувств как антропологической субдисциплины. По замечанию канадской исследовательницы К. Классен, ведущей специалистки в области антропологии чувств, «история и антропология чувств зиждутся на убеждении, что чувственное восприятие — явление столь же физическое, сколь и культурное: чувственный аппарат, которым оснащено тело человека, моделируется тем обществом, в котором этот человек живет, и пять чувств, выделяемых более или менее строго в различных традициях, оказываются не только средствами восприятия физических явлений, но и способами передачи культурных ценностей»³⁷. В §0.2

³⁷ *Classen C. Foundations for an Anthropology of the Senses // International Social Science Journal. 1997. Vol. 49. No. 153. P. 401–412.*

«Понятие “конфигурации чувств” и исследования Школы “Анналов”» прослеживается история понятия «конфигурация чувств»; в §0.3 **«Антропология чувств и исследования коммуникации»** дается критический обзор теории «великого водораздела», предлагавшей эволюционистскую по своей сути классификацию культур / обществ на основании иерархии чувств (зрения и слуха). В §0.4 **«Обоняние как социальный конструкт и “процесс цивилизации”»** речь идет о роли обоняния в формировании представлений о публичной сфере в Европе позднего Нового времени. В §0.5 **«Исследованность русского материала и структура работы»** дается очерк историографии избранной проблематики.

В Главе I **«Восприятие теории миазмов и санитарный дискурс»** рассматривается социальный контекст теории миазмов, посредством которой в России второй половины XVIII—XIX века осмыслялись запахи. Глава описывает медицинские «координаты» воображаемого пространства представлений о запахах — идеи и репрезентации здоровья, болезни, гигиены и сопряженные с ними бытовые практики, которые наполняли смыслом переживание запахов и ароматов. Материалом для этой главы служат переводные, компилятивные и оригинальные популярные руководства по медицине второй половины XVIII-XIX веков (лечебники М. Д. Чулкова, П. П. Сумарокова, В. Бухана (У. Бьюкена), Ж. Гулена и А.-Л.-Б. Журдена, И.-Ф. Шрейбера, И.-Ф. Рюбеля, Ф. Ф. Рейса, О. К. Каменецкого и Я. О. Саполовича и др.), санитарные отчеты, публицистика и учебники гигиены (Ю. Ю. Гюбнера, Г. И. Архангельского, Г. Н. Минха, Н. И. Пирогова, Ф. Ф. Эрисмана, И. П. Скворцова, А. П. Доброславина, А. Ю. Щербакова, А. А. Антонова и др.), повременная пресса.

В §1.1 **«Теория миазмов в России»** дается общая характеристика миазматической теории патогенеза и описываются обусловленные ею представления о здоровье и болезни.

В §1.2 **«Социополитические импликации представлений о “миазмах” и “контагии”»** описываются факторы, способствовавшие размыванию однозначных причинно-следственных связей в понимании болезни, и очерчивается процесс формирования двух конкурирующих здравоохранительных программ — профилактической санитарно-гигиенической (локалистской) и репрессивной карантинистской.

В §1.3 **«Средства борьбы с миазмами»** рассматриваются вызванные миазматической теорией лечебные практики и повседневные меры предосторожности, предпринимавшиеся как на государственном уровне, так и в частном обиходе. Подчеркивается высокая устойчивость архаичных лечебных и гигиенических практик, что может служить иллюстрацией

тезиса о неравномерном, «лоскутном» характере модернизации и медленном распространении нового знания.

В §1.4 «Понятие “общественного здоровья” и реструктуризация российского общества в последней трети XIX века» описываются предпосылки общественной дискуссии по вопросам здоровья в пореформенной России. Многочисленные структурные и институциональные изменения, затронувшие российское общество после Крымской войны и Великих реформ, привели к созданию площадок для публичной дискуссии и к появлению заинтересованной в них публики. Одним из важных вопросов общественной повестки было «народное здравие» — понятие, актуализированное в России благодаря череде эпидемий, которое имело несколько выражений — статистическое (рождаемость, болезненность и смертность населения), медико-топографическое, санитарно-гигиеническое. Страх перед эпидемиями и общественная озабоченность вопросами здравоохранения повышали врачебный авторитет и способствовали популяризации специализированного медицинского дискурса.

В §1.5 «Российский санитарный дискурс и топика “европейской чистоты” и “азиатского неряшества”» рассматривается топика санитарно-гигиенического дискурса, увязывающая в противопоставленные друг другу комплексы «европейскость», «цивилизованность», «чистоту/очищение» — и «азиатскость», «отсталость» и «неряшество». Эти поляризованные топосы, формировавшие контекст становления новой чувствительности, представляются ключевыми для общественной дискуссии о здоровье второй половины XIX века. С их помощью дурные и нездоровые запахи (миазмы) отождествлялись с варварством, а дезодорированное публичное пространство — с европейской цивилизованностью.

Глава II «Инструменты: ольфакторная рефлексия и интериоризация самоконтроля» посвящена инструментам, которые на протяжении XIX века способствовали рефлексии над работой человеческих чувств и постепенно меняли конфигурацию чувствительности, выдвигая обоняние как средство предохранения от опасности в социальное пространство. Первые два раздела второй главы написаны на материале официальных и учебных фармакопей и фармакологий (для сравнения привлекаются русские травники), толковых и энциклопедических словарей, научно-популярных изданий по химии и технологии (А. И. Ходнева, А. М. Наумова, П. О. Смоленского, А. Н. Альмедингена и др.), а также кулинарных книг (от самых ранних компиляций Н. П. Осипова и В. П. Левшина до изданий Г. Летеби, И. Виля, И. А. Карвасовского) и руководств по ведению домашнего хозяйства (Е. И. Молоховец, М. Ределин, М. Клима). Третий раздел написан на основании анализа

санитарно-гигиенической публицистики и прессы (ультраконсервативных «Московских ведомостей», консервативного «Нового времени» и «Современных известий», либерального «Голоса», демократического — в исследуемый период — «Петербургского листка», губернских газет и журналов), четвертый — по материалам российских гигиенических выставок — официальных положений и уставов, каталогов, рекламных объявлений, отзывов в специализированных (медицинских) и массовых изданиях.

В §2.1 «Классификация запахов и становление русского ольфакторного словаря» рассматриваются пути, которыми в Россию был импортирован органолептический анализ, и описывается процесс становления русской терминологии для описания различных ольфакторных оттенков. Детализация ольфакторного словаря была вызвана нуждами естественнонаучных и камеральных дисциплин; миграция медицинских, фармацевтических, ботанических терминов в более нейтральные, неспециализированные сферы происходила благодаря хозяйственным изданиям, светскому интересу к ботанике и влиянию медицинского дискурса на литературу.

В §2.2 «Медикализация быта: повседневные запахи как миазмы, симптомы и улики» описывается роль справочной и рекомендательной литературы в популяризации органолептического стандарта описания и медикализации рутинных процессов и явлений. По сравнению с концом XVIII — первой половиной XIX века общий социальный контекст ольфакторного беспокойства изменился. Оно оказалось вписано в мощную тенденцию конструирования санитарно-гигиенической утопии и, в ее рамках, нового *homo hygienicus*, которая выражалась в том числе медикализации повседневности. С середины XIX века медикализация способствовала, во-первых, переходу терминологической лексики в научно-популярные издания (в рамках общего процесса насаждения «научно обоснованных» стандартов жизни), и, во-вторых, призывала читающую публику обращать внимание на ольфакторные характеристики «обыденных вещей». Тем самым все более многочисленные группы населения знакомились с медицинским языком и учились по-новому осмыслять впечатления органов чувств и, прежде всего, запахи.

В §2.3 «Эпидемии и санитарно-ольфакторная инспекция Российской империи (на примере Ветлянской чумы 1878—1879 годов)» рассматривается влияние больших эпидемий XIX века на изменение чувствительности и описываются государственные, профессиональные и частные реакции на эпидемии. Каждая из эпидемий привлекала общественное внимание к городским проблемам и позволяла врачам, журналистам и общественным деятелям, ориентированным на либеральную санитарно-гигиеническую про-

грамму, требовать очищения улиц, строительства канализации, улучшения жизненных условий социальных низов. Ориентирами для санитарной инспекции того или иного города служили запахи: с точки зрения гигиенистов, именно запахи свидетельствовали о недостаточном очищении и скрытой заразе, которая рано или поздно даст о себе знать.

В §2.4 «Гигиенические выставки и санитарно-бактериологический синтез» рассматривается вектор реформирования чувствительности после открытий Л. Пастера и описывается специфический синтез санитарного (миазматического) и бактериологического знания на гигиенических выставках. В последние десятилетия XIX века гигиенические выставки стали еще одним инструментом популяризации санитарно-гигиенической модели, способствуя выдвиганию обоняния в социальное пространство и тренируя новый тип чувствительности, присущий *homo hygienicus*. Хотя пастеровская бактериология отказывалась от приравнивания дурных запахов (миазмов) к источникам болезней и настаивала на лабораторной инспекции даже внешне безопасных субстанций, на выставках, лекциях, в специализированной прессе санитарная и бактериологическая программы совмещались. Страх перед миазмами не исчезал, а дополнялся страхом перед невидимыми бактериями.

В Главе III «Нормы: чувствующий субъект и ольфакторные социолекты» речь идет о приложении миазматической теории патогенеза к социальной иерархии и о конструировании ольфакторно-гигиенических норм во второй половине XIX века. В ней рассматриваются стереотипы, связывающие физиологию, эмоциональную восприимчивость, социальное положение и моральный облик, и основанные на этих стереотипах правила «ольфакторной элегантности». Основным источником для этой части работы служат учебники и сборники рекомендаций по хорошему тону, содержавшие многочисленные предписания относительно запахов. В качестве сравнительного материала привлекаются популярные труды по медицине, прежде всего переводные, поскольку именно они служили одним из основных источников изданий по этикету.

В §3.1 «Запахи в социальной перспективе» описываются правила ольфакторного поведения, импортированные в Россию вместе с европейской придворной культурой в первой половине XVIII века, и прослеживается траектория их распространения в различных социальных группах. Запахи могли выступать коррелятами уровня личной гигиены, воспитанности, образованности, благосостояния и вкуса. Право на ольфакторную экспертизу — осмысление и классификацию воспринимаемых запахов — распределялось между медиками и представителями высших сословий. Во второй половине XIX века под влиянием санитарно-гигиенической повестки социальная лестница запахов менялась, а связь между обра-

зованием, достатком и новой гигиеной усиливалась. Санитарно-гигиеническая пресса конструировала новую социальную иерархию, основанием которой служила «цивилизованность». Благодаря переосмыслению социальной иерархии в санитарно-ольфакторном ключе низшим классам присваивались не только те или иные запахи, но и ответственность за них.

В §3.2 «Медикадизация бедности и запах “другого”» описывается смещение фокуса санитарного контроля с публичных зон на приватное пространство тех, кто попадал, с точки зрения гигиенистов, в группу повышенного риска. В городе и деревне частное пространство и гигиенические практики бедняков стали предметом наблюдения и изучения. Попытки гигиенистов и земских врачей привить массам новые гигиенические привычки, научить брезгливости и распространить на их обиталища режим ольфакторной и санитарной безопасности можно трактовать не только как процесс распространения цивилизованности (в понимании Н. Элиаса), но и как попытку социального контроля над теми группами, которые создавали эпидемическую угрозу для всего социума. Иные понятия о чистоте и грязи объяснялись ослабленной чувствительностью или болезненной привычкой, которые мешали низам осознать запах своего тела и своего жилища и проникнуться к ним отвращением. Присутствие человека из низов отныне опознавалось по запаху: его статус «другого» получал ольфакторное измерение.

В §3.3 «Смещение запахов и ольфакторный нейтралитет» анализируются причины интереса гигиенистов к местам смешения запахов. Миазматическая теория считала одной из причин болезней соединение различных по природе запахов. С распространением санитарно-гигиенической программы смешанные запахи превратились в индикатор санитарного и социального неблагополучия, а одним из требований гигиенистов стало разделение запахов по функциональным сферам. С 1870-х годов смешение запахов начало восприниматься как сигнал об опасности и как знак принадлежности к социальным низам. Так нормы частной гигиены распространялись в публичное пространство: телесная чистота достаточной публики требовала очищения города, а для этого следовало навязать представителям всех социальных групп новые понятия о чистоте — своеобразный «ольфакторный нейтралитет».

В §3.4 «Понятие “хорошего тона” и феминизация чувствительности» описывается ольфакторная рефлексия состоятельных горожан, тесно связанная с новым типом внимания, направленного на личные границы и индивидуальные ощущения. Первый всплеск осознанного внимания к границам телесности в России относится к эпохе петровских реформ. В екатерининское время аристократические нормы начали спускаться вниз. Следующий

заметный шаг был совершен во второй половине XIX века, с размыванием сословных границ и оформлением новых общностей городских жителей, для бесконфликтного существования нуждавшихся в унификации поведенческих, гигиенических и ольфакторных стандартов. Нормы, которые должны были обеспечить эту унификацию, входили в понятие «хорошего тона» (*du bon ton, du bon goût, du comme il faut*). Проводником норм, качественных и количественных, гендерных и возрастных служила рекомендательная литература. Ненормативные запахи свидетельствовали о незнании приличий, о неумении «попасть в тон», о выпадении из определенного социального регистра и выдавали социальное происхождение так же, как и одежда, жесты, позы, походка.

В §3.5 «Запах как эстетический жест» описываются различные стратегии ольфакторного антиповедения на материале мемуарных свидетельств и художественной литературы. В последние десятилетия XIX века рефлексия по поводу запахов качественно поменялась: к медицинским запахам-симптомам добавились эстетизированные запахи-артефакты. Разговор о запахах, который велся в эстетическом ключе, оказался плодотворным для декадентского искусства и жизнестроительства. Осознанность запахов, умение ощущать их оттенки, использовать их становились маркерами определенного социального слоя. В последней трети XIX века общественное внимание к личным и публичным запахам увеличилось, ольфакторный код стал более нюансированным, социальные нормы и ожидания относительно запахов — более жесткими, а нарушения — более заметными.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования. Во второй половине XIX века под влиянием общеевропейского процесса медиализации в русской городской культуре происходило изменение конфигурации чувств. Направление этих изменений формулировалось и корректировалось санитарно-гигиеническим дискурсом, опиравшимся на миазматическую теорию, которая устанавливала непосредственную связь между запахом и болезнью, а также запахом и лечением. Существенная роль в этой конфигурации была отведена обонянию.

Первой предпосылкой к изменению чувствительности был научный импорт миазматической теории патогенеза и, параллельно, культурный импорт обусловленных ею представлений об этикете и правилах коммуникации. Естественные науки, с одной стороны, и культура поведения, с другой, способствовали усвоению ольфакторного беспокойства в аристократических кругах — пропуском в светское общество и, одновременно, гарантией личного здоровья оказывалось умение контролировать свои телесные эманации. В екатерининское время это сознательное отношение к запахам было поддержано эстетикой сентиментализма.

Следующий шаг к реконфигурации чувствительности был сделан во второй половине XIX века, когда в России началось формирование общества нового, несословного типа. Для поддержания нормального существования такому обществу была необходима унификация стандартов поведения и правил коммуникации (что объясняет всплеск популярности массовой рекомендательной литературы в позднеимперский период). Нормы и конвенции дворянского телесного поведения начали распространяться на остальные социальные слои. Нисходящая мобильность ольфакторных норм была обусловлена понятием «хорошего тона», который побуждал представителей нижестоящих групп подражать более престижной норме, но главной движущей силой для распространения новых гигиенических и ольфакторных стандартов стали эпидемии.

Представители социально активных групп — врачи и общественные деятели — формулировали понятие «общественного здоровья» («народного здравия») в публичных дискуссиях на площадках, которые предоставляла разнообразная пресса. С помощью этого понятия объяснялась необходимость транслировать массам гигиенические и ольфакторные нормы элиты: в условиях индустриализации и урбанизации максимальное распространение высоких стандартов оказывалось единственным залогом здоровой жизни для общества в целом. Вместе с гигиеническими нормами вниз распространялись и новые представления о телесных границах, об индивидуальном пространстве и приватности.

Санитарно-гигиеническая пропаганда, отталкиваясь от представлений о здоровых и нездоровых запахах, о заразе и миазмах, способствовала реконфигурации чувств и основывала заботу о здоровье на императиве ольфакторной бдительности, а понятие «порядочности» — на представлениях об ольфакторной деликатности. Нормы и стандарты телесного присутствия, восходящие к рефлексам миазматической теории, в последние десятилетия XIX века определили тип организации публичного пространства, повлияли на массовые гигиенические практики и оказались проводником частных ценностей в сфере социального взаимодействия.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора:

В изданиях, рекомендуемых ВАК Минобрнауки Российской Федерации:

1. *Пироговская М. М.* Ветлянская чума 1878—1879 гг.: Санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический форум. 2012. №17. С. 198—229. — ISSN 1815-8870
2. *Пироговская М. М.* От *materia medica* до хозяйственных книг: органолептический анализ и становление русского ольфакторного словаря // Новое литературное обозрение. 2013. №123. С. 144—164. — ISSN: 0869-6365
3. *Пироговская М. М.* Запахи как миазмы, симптомы и улики: к проблеме сциентизации быта в России второй половины XIX века // Новое литературное обозрение. 2015. №135. С. 140—169. — ISSN: 0869-6365

В других научных изданиях:

4. *Пироговская М. М.* Парфюмерный код в романе Федора Сологуба «Мелкий бес» (опыт комментария) // Материалы IV Международной конференции «Федор Сологуб: Вопросы биографии, творчества, интерпретации». Статьи, публикации, сообщения. Сост. М. М. Павлова / Пушкинский Дом. СПб.: ООО «Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2010. С. 354—369. — ISBN 978-5-91258-152-6
5. *Pirogovskaya M.* The Plague at Vetlyanka, 1878—1879: The Discourses and Practices of Hygiene and the History of Emotions // Forum for Anthropology and Culture. 2014. No. 10. P. 133—164. — ISSN 1815-8927
6. *Пироговская М. М.* «Европейская цивилизация» и «азиатское неряшество» в российских дискуссиях о прогрессе 1870—1890-х гг.: геополитика и антропология чувств // Сделано в Европе: взгляд российских исследователей / Сб. ст. под ред. Е. Белокуровой и М. Ноженко. В 2 т. Т. 2. СПб.: Норма, 2014. С. 12—32. — ISBN 978-5-87857-239-2

В материалах международных и российских конференций:

7. *Пироговская М. М.* Публичное пространство и ольфакторный нейтралитет: воспитание

чувств в русской городской культуре второй половины XIX века // Человек в меняющемся мире / Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования. Международная научная конференция. Программа и тезисы. Томск: Издательство Томского университета, 2014. С. 131—133. — ISBN 978-5-7511-2294-2

Подписано в печать 16.01.2016 Формат 60x84 ¹/₁₆ Цифровая Печ. л. 1.5
Тираж 100 экз. Заказ № 05/03 печать

Типография «Фалкон Принт»
(197101, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 41, литер Б,
сайт: falconprint.ru)